

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-2-115-128>

Исследовательская статья
Поступила в редакцию: 29.04.2022
Принята к публикации: 16.06.2022

Иван Иванович КОТЛЯРОВ

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
Академика Волгина ул., д. 12, Москва, 117997, Российская Федерация
ikotlyarov@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4876-6625

Юлия Владимировна ПУЗЫРЕВА

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
Академика Волгина ул., д. 12, Москва, 117997, Российская Федерация
yuliya_dugina@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4448-2200

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ В МИРНОЕ ВРЕМЯ И В ПЕРИОД ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

ВВЕДЕНИЕ. Тенденцией последних лет является возрастание количества вооруженных конфликтов с участием негосударственных вооруженных групп, признанных со стороны государств и международных организаций террористическими. На повестке дня встает вопрос о взаимосвязи между терроризмом и вооруженным конфликтом, а также между международно-правовой регламентацией борьбы с терроризмом и международным гуманитарным правом. В статье исследованы региональные подходы СНГ к противодействию терроризму в рамках вооруженных конфликтов и при проведении контртеррористических операций в мирное время.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Материалом для исследования послужили универсальные договоры, модельное законодательство СНГ по МГП и в сфере борьбы с терроризмом, а также концептуальные документы военно-стратегического сотрудничества государств — участников СНГ в части выявления направлений и форм противодействия международному терроризму как современной угрозе военного характера. Методологическую основу исследования составили традиционные для юридических исследований общенаучные и частнонаучные методы познания.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В исследовании обоснована гипотеза о сформированно-

сти в рамках Содружества правовых режимов, основанных на общепризнанных принципах и нормах международного права, регулирующих вопросы военного противодействия террористическим угрозам как в мирное время, так и в период вооруженных конфликтов.

В статье проведен анализ международных договоров, модельного законодательства СНГ и национальных правовых актов государств-членов, закрепляющих легитимность военных способов и средств реагирования на террористические вызовы и угрозы в рамках специального правового режима «контртеррористическая операция». Актуальный аспект исследования — выявление перспектив военного сотрудничества государств — членов СНГ посредством развития новых механизмов борьбы с терроризмом в системе их совместной контртеррористической деятельности. — военно-полицейских операций.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. В современных реалиях наиболее эффективно выстраивать противодействие терроризму в рамках правового режима КТО, который сочетает правоохранные и военные задачи, стоящие перед государством в рамках обеспечения его внутренней и внешней безопасности, а также содержит гарантии обеспечения и защиты прав человека. При этом привлечение вооруженных сил государства к борьбе с терроризмом не означает однозначный перевод ситуации мирного времени в режим военного положения. СНГ, добросовестно выполняя свои обязатель-

ства по ключевым актам МГП, закрепил в своем модельном законодательстве нормы, запрещающие терроризм в период вооруженных конфликтов и устанавливающие ответственность за его проявления. Кроме того, под эгидой СНГ разработано и успешно имплементировано модельное законодательство, регламентирующее применение военных способов и средств реагирования на террористические вызовы и угрозы в рамках специального правового режима «контртеррористическая операция», обособленного от режима применения вооруженных сил в рамках МГП.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: международное гуманитарное право, вооруженный конфликт, борьба с терроризмом, контртеррористическая операция, Содружество Независимых Государств, модельное законодательство, военно-полицейская операция

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Котляров И.И., Пузырева Ю.В. 2022. Международно-правовое регулирование противодействия терроризму в мирное время и в период вооруженных конфликтов: региональный подход Содружества Независимых Государств. — Московский журнал международного права. № 2. С. 115–128. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-2-115-128>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-2-115-128>

Ivan I. KOTLYAROV

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'
12, ul. Akademika Volgina, Moscow, Russian Federation, 117997
ikotlyarov@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4876-6625

Yuliya V. PUZYREVA

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'
12, ul. Akademika Volgina, Moscow, Russian Federation, 117997
yuliya_dugina@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4448-2200

Research article
Received 29 April 2022
Approved 16 June 2022

INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF COUNTER-TERRORISM IN PEACETIME AND DURING THE ARMED CONFLICTS: A REGIONAL APPROACH OF THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES

INTRODUCTION. *The increase in the number of armed conflicts involving non-State armed groups recognized as terrorist in States and international organizations has been the trend in recent years. In this regard, the question relating to the links between terrorism and armed conflict, as well as between the international legal regulation of combating terrorism and international humanitarian law, is on the agenda. The article examines the regional approaches of the CIS to countering terrorism within armed conflicts and during counter-terrorism operations in peacetime.*

MATERIALS AND METHODS. *The material for the research included the universal treaties, the model legislation of the CIS on IHL and in the field of combating terrorism, as well as the conceptual documents of the military-strategic cooperation of the CIS member states in particular in identifying areas and forms of countering international terrorism as a modern military threat. The methodological basis of the research included general scientific and private scientific methods of cognition traditional for legal researches.*

RESEARCH RESULTS. *The research substantiates the hypothesis that within the Commonwealth there were formed the legal regimes, which are based on the generally recognized principles and norms of international law governing the issues of military counteraction to terrorist threats both in peacetime and during armed conflicts.*

The article analyzes international treaties, model legislation of the CIS and national legal acts of the member states establishing the legitimacy of military methods and means of response to terrorist challenges and threats within the special legal regime of the "counter-terrorist operation". A relevant aspect of the study was the identification of the prospects of military cooperation between the CIS member states through the development of new mechanisms for combating terrorism –

"military-police operations" in the system of their joint counter-terrorism activities.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *In modern realities, it is the most effective to build the counteraction to terrorism within the CTO legal regime which enable to combine law enforcement and military tasks faced by the state within ensuring its internal and external security, and also contains guarantees for ensuring and protecting human rights. Meanwhile, the involvement of the armed forces of the state in combating terrorism does not mean an unequivocal transfer of the situation from peacetime to the regime of martial law.*

The CIS, conscientiously fulfilling its obligations under the key acts of IHL, has set out in its model legislation the norms prohibiting terrorism during armed conflicts and establishing responsibility for acts of its. In addition, under the auspices of the CIS there has been developed and successfully implemented the model legislation regulating the use of military methods and means of response to terrorist challenges and threats within a special legal regime of a "counter-terrorism operation" separated from the regime of the use of armed forces within the IHL.

KEYWORDS: *international humanitarian law, armed conflict, combating terrorism, counter-terrorism operation, the Commonwealth of Independent States, model legislation, military-police operation*

FOR CITATION: Kotlyarov I.I., V. Puzyreva Yu.V. International Legal Regulation of Counter-Terrorism in Peacetime and During the Armed Conflicts: a regional approach of the Commonwealth of Independent States. – *Moscow Journal of International Law*. 2022. No.1. P. 115–128. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-2-115-128>

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Введение: вооруженные конфликты и терроризм как комплексные угрозы международному миру и безопасности

Войны и вооруженные конфликты остаются проблемой всех времен и народов. Для каждого периода развития государственности и международных отношений характерны свои законы и обычаи войны, которые в XX веке были кодифицированы в рамках отрасли международного гуманитарного права (далее МГП) [Котляров 2013:26]¹.

Как отмечают эксперты МККК, в условиях современных вооруженных конфликтов МГП сталкивается с определенными трудностями, которые проистекают из сочетания комплексных взаимосвязанных факторов. Это и фрагментация, увеличение числа акторов, растущее участие в конфликтах частных военных компаний, повсеместная доступность оружия и рост числа насильственных преступлений в дополнение к вооруженному насилию в ходе конфликта, «урбанизация» конфликтов, интенсивное развитие технологий и появление кибератак и киберугроз. Не менее важной проблематикой последних десятилетий выступает сопряжение военных действий с совершением актов терроризма².

Анализ текущих вооруженных конфликтов и их гуманитарных последствий в Афганистане, Ираке, Северной Африке, на Ближнем Востоке позволяет выявить тенденцию расширения акторов военных действий посредством вовлечения негосударственных вооруженных групп, которые следует квалифицировать как террористические [Humanitarian Law...2019:918-919]. К сожалению, несмотря на усилия мирового сообщества в борьбе с международным терроризмом, на развитие универсального антитеррористического права ООН и сформированность международного регионального антитеррористического права, терроризм остается одним из сложных и глобальных вызовов современной системе международного мира и безопасности.

Одни террористические группировки имеют четко выраженный региональный «театр противоправных действий», другие — разрастаются и расширяют сферу своего географического влияния. Так, нигерийская группировка «Боко Харам» несет угрозу миру и стабильности в Западной Африке и на африканском континенте в целом. В то время как боевики ИГИЛ, потерпев поражение в Ираке и Сирии и утратив контроль над частью захваченных территорий, активно осваивают новые регионы и страны.

Следует констатировать, что на сегодняшний день борьба с глобальной террористической угрозой усложнилась. Мир столкнулся с возросшей способностью таких группировок расширять свои сети на местах и в Интернете, с их значительными финансовыми возможностями, использованием изощренных методов вербовки, финансирования и планирования террористических актов, а также их способностью адаптироваться к национальным и международным механизмам борьбы с терроризмом. Террористические организации доказали свою способность брать под контроль территории суверенных государств. Наряду с этим они стали одним из основных факторов, усугубляющих текущие конфликты, делая их более ожесточенными и сложными и подрывая усилия по достижению мира [Sassòli 2019:39].

Появились и новые тенденции; например, мобилизация подпольных ячеек или террористов-одиночек на совершение инспирированных нападений (особенно на слабозащищенные или уязвимые объекты), неправомерное использование новых информационно-коммуникационных технологий, усиление взаимосвязи с транснациональной организованной преступностью, мобилизация иностранных боевиков-террористов в конфликтах и возникновение терроризма, мотивированного этническими или расовыми причинами³.

В этом контексте перед государствами стоит сложная задача — обеспечить баланс между эф-

¹ Под международным гуманитарным правом здесь понимается система международно-правовых принципов и норм, регулирующих отношения между государствами (сторонами) в период вооруженных конфликтов в целях ограничения применения воюющими жестоких методов и средств ведения войны, защиты ее жертв и устанавливающих ответственность за их нарушение.

² Policinski E. The power of words: the dangerous rhetoric of the “terrorist”. – *Humanitarian Law and Policy Blog*. March 4, 2020. URL: <https://blogs.icrc.org/law-and-policy/2020/03/04/power-words-dangerous-rhetoric-terrorist/> (accessed 20.04.2022).

³ Совет Безопасности ООН: Письмо Постоянного представителя Туниса при Организации Объединенных Наций от 30 декабря 2020 г. на имя Генерального секретаря ООН. Доступ: [https://undocs.org/pdf?symbol=ru/S/2020/1315](https://undocs.org/pdf/symbol=ru/S/2020/1315) (дата обращения: 20.04.2022).

фективностью их контртеррористических мер и соблюдением международных обязательств, в частности по международному праву прав человека, международному гуманитарному праву и международному праву беженцев [Чернядьева 2019:66]. Обозначенная задача связана, в первую очередь, с тем, что международно-правовая борьба с терроризмом как специфический комплекс международно-правовых норм пока не получила стабильного места в существующей системе международного права. Правила, касающиеся борьбы с терроризмом, содержатся в различных признанных отраслях и институтах международного права. Как представляется, в перспективе в целях повышения эффективности существующих антитеррористических норм государствам необходимо обеспечить повышение уровня их системности и сформировать тенденцию развития принципиальной основы международно-правовой борьбы с терроризмом.

2. Военно-политические и террористические угрозы региональной безопасности государств — членов СНГ

Выбор для исследования СНГ в контексте заявленной тематики не случаен. И не только потому, что рассматриваемые угрозы являются актуальными для пространства Содружества, но и с учетом значимости данной международной региональной организации в современной системе международных отношений.

Как отмечено в Заявлении глав государств — участников СНГ в связи с 25-летием СНГ (16 сентября 2016 г., г. Бишкек, Киргизия), за прошедшие годы Содружество состоялось как уникальная и не имеющая аналогов организация. В качестве представительного международного регионального объединения с широким членским составом и мандатом на координацию многоплано-

вого межгосударственного сотрудничества СНГ стало удобной базовой платформой для осуществления разноуровневой и разноскоростной интеграции заинтересованных сторон⁴.

Подчеркивая роль СНГ в современных международных отношениях, Генеральная Ассамблея ООН в рамках юбилейной 75-й сессии 23 ноября 2020 г. приняла резолюцию «Сотрудничество между Организацией Объединенных Наций и Содружеством Независимых Государств», в которой отмечена деятельность СНГ по укреплению регионального сотрудничества во многих важных областях.

Угрозы со стороны международного терроризма, а также особенности его трансформации характерны для многих регионов, в том числе и для приграничного пространства государств — членов Содружества. Рост активности на территории Афганистана подразделений ИГИЛ, объединенных в так называемый «Вилаят Хорасан», в тесной связи с которыми действуют «Джамаат Ансаруллах» и «Исламское движение Восточного Туркестана», вызывает озабоченность в Содружестве, поскольку цель этих террористических структур — экспансия на пространство СНГ. На территории Афганистана развивают свою сеть и террористическую деятельность представители «Аль-Каиды»⁵. Нельзя забывать, что после вывода войск США и НАТО с территории Афганистана контроль над более чем половиной территории государства осуществляют талибы, продолжившие вооруженную борьбу с правительством Афганистана [Раджабов 2013:323-324].

Что касается оценки военно-политической обстановки в зоне ответственности СНГ и непосредственной близости от нее, следует констатировать, что за последние годы возрос уровень напряженности как вдоль границ СНГ, так и на территориях его отдельных государств⁶. В настоящее время все более очевидной становится

⁴ Содружество Независимых Государств: Заявление глав государств – участников Содружества Независимых Государств в связи с 25-летием СНГ. Интернет-портал СНГ. 06.09.2016. Доступ: <https://e-cis.info/page/3669/81276/> (дата обращения: 20.04.2022).

⁵ Несмотря на потерю многих лидеров, «Аль-Каида» не только функционирует до сих пор – она превратилась в опасную транснациональную модель региональных образований, которые паразитируют на конфликтах и лишениях населения. Согласно данным ООН, ячейки терроризации по-прежнему присутствуют в 11 афганских провинциях. См.: Министерство иностранных дел РФ: Брифинг официального представителя МИД России М.В. Захаровой. Официальный сайт МИД России. 22.04.2021. Доступ: https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4698265#11 (дата обращения: 20.04.2022).

⁶ В первую очередь следует отметить насыщенные события 2020 г.: вспыхнувший в сентябре вооруженный конфликт в районе Нагорного Карабаха, а также послевыборные события в Белоруссии, которая столкнулась с беспрецедентным давлением и вмешательством извне во внутренние дела государства. Немаловажным событием явились беспорядки в Казахстане в январе 2022 г. и начавшаяся в феврале 2022 г. специальная военная операция по защите ЛНР и ДНР, проводимая Вооруженными силами Российской Федерации.

потребность в консолидации региональных усилий по преодолению конфронтации и снижению существующих угроз. Это особенно актуально в условиях, когда идет демонтаж основных геополитических договоренностей, обеспечивавших многие годы баланс сил и стабильность в мире.

3. Соотношение МГП с концепцией военного противодействия терроризму: универсальная позиция и подход государств — членов СНГ

СНГ, добросовестно выполняя свои обязательства по ключевым актам МГП, закрепил в своем модельном законодательстве нормы, запрещающие и осуждающие терроризм в период вооруженных конфликтов [Котляров, Пузырева 2012:19–21].

Концептуальный подход к регламентации противодействия проявлениям терроризма в период вооруженных конфликтов нормами МГП нашел отражение в модельном Наставлении по международному гуманитарному праву для СНГ (далее Наставление), принятом МПА СНГ 29 ноября 2018 г. Наставление направлено на совершенствование сотрудничества в военнополитической области, в том числе через развитие отношений, связанных с соблюдением норм МГП в период вооруженных конфликтов, с международными организациями и государствами и при применении государственных вооруженных формирований в мирное время в государствах — участниках СНГ⁷.

В частности, в соответствии с п. 3 ст. 4 Наставления террор в отношении гражданского населения и взятие заложников относятся к запрещенным способам (методам) ведения боевых действий вне зависимости от вида вооруженных конфликтов. Согласно п. 3 ст. 19 анализируемого документа при подготовке и ведении боевых действий во время внутренних вооруженных конфликтов гражданское население и отдельные

гражданские лица пользуются защитой от опасностей, возникающих в связи с боевыми действиями. Запрещаются акты насилия или угрозы насилием, имеющие целью терроризировать гражданское население. В свою очередь в соответствии с п. 1 ст. 7 рассматриваемого акта СНГ взятие заложников является запретной нормой в отношении любых категорий жертв вооруженных конфликтов. Необходимо подчеркнуть, что такие деяния регламентированы нормами МГП [Гассер 2002:247–249, Давид 2011:444–447, Хенкертс, Досвальд-Бек 2006:10–12].

В военных внутригосударственных актах государств — членов СНГ закреплены аналогичные нормы⁸.

Вместе с тем следует отметить, что МГП напрямую не регулирует военно-силовые аспекты антитеррористической деятельности государств. «Война против терроризма» — это не правовое, а политическое обозначение ситуаций, которые стали складываться в мире после исторического решения Совета Безопасности ООН, санкционирующего право США на самооборону в результате нападения со стороны транснациональной террористической группировки Аль - Каида в сентябре 2001 г. [Алешин 2019:83].

Бесспорно, МГП уникально и многогранно, его незыблемые принципы и нормы, заложенные правом Гааги и правом Женевы, остаются актуально-применимыми ко всем ситуациям и сценариям современных вооруженных конфликтов [Saul 2021:158, Давид 2011:38–39, 267]. В одном из своих решений Международный Суд ООН отметил: одна из сильных сторон МГП заключается в том, что оно применяется «ко всем формам военных действий и всем видам оружия», включая «военные действия и оружие будущего» [Шетай 2003:89–93]. Тем не менее, как отмечает эксперт МККК Т. Роденхойзера: «Есть вопросы, по которым государства и различные специалисты никак не могут прийти к согласию и которые требуют выяснения... Такие разногласия отно-

⁷ Содружество Независимых Государств: Постановление МПА СНГ от 29 ноября 2018 г. № 48-6 «О модельном Наставлении по международному гуманитарному праву для Содружества Независимых Государств. Доступ:<https://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=6043> (дата обращения: 20.04.2022).

⁸ См., например, Наставление по международному гуманитарному праву для Вооруженных Сил Российской Федерации 2001 г., Инструкцию о порядке применения норм международного гуманитарного права в Вооруженных Силах и транспортных войсках 2009 г. с изменениями и дополнениями, внесенными Постановлением Министерства обороны Республики Беларусь от 15 сентября 2020 г. № 21 «Об изменении постановления Министерства обороны Республики Беларусь от 6 мая 2009 г. № 24», Приказ Министерства обороны Украины от 23 марта 2017 г. № 164 «Об утверждении Инструкции о порядке выполнения норм международного гуманитарного права в Вооруженных Силах Украины» (с изменениями и дополнениями от 10 октября 2018 г.) и др.

сительно толкования правовых норм существовали всегда, не ставя под вопрос применимость этого права как такового»⁹.

Усложняющийся характер угроз миру и безопасности требует разработки специальных правовых режимов, представляющих собой эффективные ответные меры со стороны государств для противодействия и сдерживания современных вызовов. Как представляется, в настоящее время терроризм, переплетающийся с разрастающимся воинствующим экстремизмом и неразрывно связанный с транснациональной организованной преступностью, как раз и представляет собой такую угрозу, борьба с которой требует комплексного межотраслевого подхода, основанного на принципах международного права, положениях Устава ООН, решениях его главных органов по вопросам мира и безопасности.

Как бы дискуссионно не звучала позиция авторов статьи, но в настоящее время необходимо формировать на универсальном уровне подходы к разработке особого правового режима борьбы с терроризмом с применением вооруженных сил государств и обособлять такой режим от МГП. Практика реализации современных мер по борьбе с терроризмом подтверждает такую настоятельную необходимость.

Во-первых, начиная с 2001 г. и до настоящего времени государствам так и не удалось преодолеть разногласия в продолжающихся и набирающих оборот ситуациях «войны с терроризмом» в части признания террористических группировок как сторон во внутреннем вооруженном конфликте [Bellal, Giacca, Cassey-Maslen 2011:48] и тем более как противоборствующих сторон по признакам, отраженным в ст. 2 Женевских конвенций 1949 г., позволяющей вести речь о наличии международного вооруженного конфликта [Ferraro. 2021:111-112]¹⁰. Как справедливо отмечает Е.Г. Громогласова, «в результате террористы *a priori* выпадают из режима, созданного

женевскими конвенциями. Они не могут считаться комбатантами, а при взятии в плен – военнопленными» [Громогласова 2016:431]. В данном контексте следует привести точку зрения Эндрю Дж. Карсуэлла, отмечающего, что «...в случае войны в Афганистане в 2001-2002 гг. коалиция под предводительством США участвовала в международном вооруженном конфликте с вооруженным крылом талибов, поскольку последние на тот момент являлись вооруженными силами фактического правительства Афганистана. По сути военнослужащие вооруженных сил талибов должны были на законных основаниях считаться комбатантами и, будучи взяты в плен, военнопленными, обращение с которыми регулируется Третьей Женевской конвенцией. С другой стороны, члены Аль Каиды, сражавшиеся в этом международном вооруженном конфликте, не подпадали под юридическое определение комбатантов. Они не принадлежали ни к личному составу вооруженных сил Афганистана, ни к ополчению этого государства, удовлетворяющему четырем определяющим критериям, указанным в статье 4 (А) (2) Третьей Женевской конвенции, поэтому с юридической точки зрения они были "гражданскими лицами"..." [Карсуэлл 2009:157]. На практике, как известно, ситуация складывалась иначе: речь идет о задержании и переводе лиц, причастных к терроризму, в центры содержания под стражей, подобные тюрьме США на военно-морской базе Гуантанамо, и возникновении целого ряда вопросов относительно характера и последствий этих операций согласно международному праву.

Таким образом, обширная источниковая база МГП по правилам ведения военных действий и защите жертв войны так и не была применена государствами в наиболее масштабных операциях по борьбе с терроризмом за последние десятилетия [Хлестов, Мышляева 2001:11—21].

⁹ Роденхойзер Т. Кибервойна и международное гуманитарное право. 25.02.2021. Доступ: <https://www.icrc.org/ru/document/kibervoyna-i-mezhdunarodnoe-gumanitarnoe-pravo> (дата обращения: 20.04.2022).

¹⁰ В одном из исследований МККК отмечено: «В отношении такого явления, как вооруженные группы, которые действуют по всему миру, например, «Аль-Каида» или группа, называющая себя «Исламским государством», МККК не разделяет мнения, что мы имеем дело с вооруженным конфликтом глобального масштаба. Для этого, прежде всего, необходимо существование «единой» негосударственной стороны, которая противостояла одному или нескольким государствам. Судя по имеющимся данным, с точки зрения МГП, имеющихся элементов недостаточно, чтобы считать «ядро» «Аль-Каиды» и связанные с нею группы в других частях мира одной и той же стороной в конфликте. Аналогичные рассуждения применимы на настоящий момент и к группе, называющей себя «Исламское государство» и связанным с нею группами». См.: Международное гуманитарное право и вызовы современных вооруженных конфликтов. Доклад. XXXII Международная конференция Красного Креста и Красного Полумесяца. 8–10 декабря 2015 г. Женева: МККК, 2015. С. 28—36.

Во-вторых, считается, что применение норм МГП в условиях силовой борьбы с терроризмом позволяет обеспечить должную защиту всем участникам военных действий, а также жертвам вооруженных конфликтов, лицам, не принимающим непосредственного участия или прекратившим принимать участие в военных действиях, лицам, свобода которых была ограничена. Однако необходимые нормы и стандарты по защите прав человека действуют и должны выполняться вне привязки «ко вступлению в силу» МГП. Так называемое право прав человека (или, в некоторых источниках, международная защита прав человека) функционирует как в мирное время, так и в военное, закрепляя основные права и свободы человека, а также гарантируя их [Русинова 2017:398]. В свою очередь режим КТО накладывает на государства дополнительные обязательства по правозащитной тематике, по смягчению последствий террористических угроз и обеспечению гарантий всем участникам, вовлеченным в борьбу с терроризмом, на равный доступ к правам.

В частности, одним из важных элементов Глобальной контртеррористической стратегии ООН 2006 г. является блок обязательств по обеспечению всеобщего уважения прав человека и верховенства права в качестве фундаментальной основы для борьбы с терроризмом. Положения этого блока гарантируют поддержку и защиту прав как тех, кто стал жертвой терроризма и пострадал от его последствий, так и тех, кто подозревается в терроризме¹¹. Кроме того, эти положения определяют, что любые меры, принимаемые государствами в целях борьбы с терроризмом, должны соответствовать их обязательствам по международному праву, в частности нормам в области прав человека, беженскому праву и международному гуманитарному праву.

Таким образом стандарты в области прав человека, которые должны обеспечиваться властями государства в отношении всего населения, находящегося на его территории, действуют как в мирное время, так и в период введения различных режимов, допускающих отступления от реализации отдельных прав в соответствии с международными договорами и действующими нормативными-правовыми актами государств.

В-третьих, являясь сложнейшей разрушающей идеологией, терроризм во всех его формах и проявлениях, его акты, методы и практика направлены на уничтожение прав человека, основных свобод и демократии, создают угрозу территориальной целостности и безопасности государств и дестабилизируют законные правительства [Синякин 2017:78—87].

В ответ на это государства и международные организации вынуждены ужесточать существующие контртеррористические меры, применять военно-силовые ответы на столь опасные угрозы для обеспечения своей безопасности и ликвидации терроризма. Однако при введении таких мер следует помнить о положениях по защите жизни и достоинства людей, ограничениях в применении военной силы, принципах соразмерности при реализации государствами своих важных внутренних функций.

Хотелось бы подчеркнуть, что привлечение вооруженных сил государства к выполнению ряда задач не обозначает однозначный перевод ситуации из мирного времени в режим военного положения. Для такого перехода важна правовая основа, заложенная нормами внутреннего права и обеспечиваемая установленными международными механизмами введения режима в действие [Русинова 2017:84-85].

Реализуя военные способы борьбы с терроризмом, непременно следует помнить о правоохранительной составляющей такой борьбы. Терроризм, по данным Интерпола, является одним из наиболее опасных транснациональных преступлений, включающих в себя ряд сложных угроз: организованный терроризм в зонах конфликтов, иностранные боевики-террористы, радикальные «одинокое волки», нападения с использованием химических, биологических, радиологических, ядерных и взрывчатых материалов¹². Поэтому в настоящее время сформировался мировой опыт привлечения подразделений вооруженных сил для оказания помощи правоохранительным органам в борьбе с терроризмом.

В современных реалиях наиболее эффективно выстраивать противодействие терроризму в рамках правового режима КТО, который позволяет сочетать в себе правоохранительные и военные задачи, стоящие перед государством в

¹¹ ООН: Резолюция Генеральной Ассамблеи № A/RES/60/288 от 8 сентября 2006 г. «Глобальная контртеррористическая стратегия ООН». Наций. Доступ: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/504/90/PDF/N0550490.pdf?OpenElement> (дата обращения: 20.04.2022).

¹² INTERPOL: Terrorism. URL: <https://www.interpol.int/Crimes/Terrorism> (accessed 20.04.2022).

рамках обеспечения его внутренней и внешней безопасности, а также содержит гарантии по обеспечению и защите прав человека.

Государства — члены СНГ поддерживают действующую правовую систему противодействия и запрета проявлений терроризма в период вооруженных конфликтов, имплементируя и добросовестно выполняя свои обязательства по ключевым актам МГП. Однако, понимая необходимость формирования межотраслевого, комплексного подхода к борьбе с терроризмом в рамках самостоятельного установления, государства — члены Содружества разработали правовые основы функционирования особого правового режима, осуществляемого в рамках комплексных мероприятий по противодействию терроризму — режим *контртеррористической операции* (далее КТО). Мероприятия подразумевают под собой использование военно-силовых методов и способов борьбы с терроризмом как основной угрозой безопасности Содружества, но не выходя на реализацию режима МГП. Цели проведения КТО — пресечение акта терроризма, обезвреживание террористов, обеспечение безопасности физических и юридических лиц, а также минимизация последствий акта терроризма (ст. 3 Модельного закона СНГ 2009 г.)¹³.

Основы такого подхода были заложены Концепцией военного сотрудничества государств — участников Содружества Независимых Государств до 2020 г. и детализированы в действующей Концепции военного сотрудничества государств — участников Содружества Независимых Государств до 2025 г.

Так, к актуальным задачам военного сотрудничества государств — участников СНГ среди прочего относятся следующие:

- совместное реагирование на современные вызовы и угрозы, в первую очередь исходящие от международного терроризма;

- изучение и внедрение опыта вооруженной борьбы с международным терроризмом в Сирийской Арабской Республике;

- укрепление роли военного сотрудничества в системе обеспечения безопасности Содружества, развитие взаимодействия с межгосударственными и отраслевыми органами СНГ и региональными организациями в интересах противодействия международному терроризму и иным вызовам и угрозам военного характера¹⁴.

Рассмотрим правовые основы действия режима КТО в соответствии с модельными актами СНГ, а также определим его взаимосвязь с нормами и принципами МГП.

4. Правовая регламентация режима КТО в рамках СНГ и перспективы развития концепции борьбы с терроризмом в свете современных вызовов и угроз

Как было отмечено, на региональном уровне в рамках СНГ выработаны правовые основы борьбы с терроризмом в рамках КТО. Согласно ст. 2 модельного закона «О противодействии терроризму» 2009 г.¹⁵ КТО представляет собой комплекс специальных, оперативно-боевых, войсковых и иных мероприятий с применением боевой техники, оружия и специальных средств по пресечению акта терроризма, обезвреживанию террористов, обеспечению безопасности физических и юридических лиц, а также по минимизации последствий акта терроризма¹⁶.

В соответствии с современными тенденциями развития терроризма и актуальными задачами

¹³ Модельный закон СНГ «О противодействии терроризму». Принят на тридцать третьем пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ Постановление № 33-18 от 3 декабря 2009 г. Доступ: <http://www.cisatc.org/1289/135/154/249> (дата обращения: 22.04.2022).

¹⁴ Содружество Независимых Государств: Решение Совета глав государств СНГ от 18 декабря 2020 г. «О Концепции военного сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств до 2025 г.». Доступ: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=6370> (дата обращения: 22.04.2022).

¹⁵ Позиция МПА СНГ, поддержавшей путем принятия Модельного закона использование понятия «противодействие терроризму», – это объективно обоснованный шаг в сторону совершенствования системы антитеррористической деятельности, отвечающей современным и прогнозируемым тенденциям развития терроризма, его комплексным причинам и долгосрочным потребностям защиты личности, общества и государства от террористических угроз. В смысловом отношении термин «противодействие» шире, чем «борьба», так как противодействие чему-то, в данном случае террористическим угрозам, их носителям и др. возможно как в активных, в том числе силовых, наступательных, так и в пассивных, несиловых формах. Поэтому использование понятия «противодействие» – это не вопрос терминологических предпочтений, но проблема выбора концепции.

¹⁶ Модельный закон СНГ «О противодействии терроризму». Принят на тридцать третьем пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ Постановление № 33-18 от 3 декабря 2009 г. Доступ: URL: <https://www.cisatc.org/1289/135/154/249> (дата обращения: 22.04.2022).

противодействия ему в Модельном законе сделана удачная попытка подчеркнуть специфику контртеррористической операции. С этой целью в определении понятия данной операции, содержащемся в рассматриваемом акте СНГ, сделан акцент на характере используемых в ней мероприятий и средств борьбы с террористическими проявлениями и на ее основном назначении – пресечении террористических актов. Таким образом, может быть сделан вывод, что контртеррористическая операция – это специфическая разновидность операций, проводимых в области противодействия терроризму, приобретающая в условиях террористической активности незаконных вооруженных формирований, объединений боевиков, бандгрупп значение необходимой, подчас приоритетной формы организации борьбы с терроризмом.

С учетом значения и специфики контртеррористической операции в Модельном законе специально предусмотрена глава V «Проведение контртеррористической операции», в которой раскрывается ее назначение и особенности осуществления.

В логической связи с понятием «контртеррористическая операция» в ст. 3 Модельного закона предусмотрено понятие «зона проведения контртеррористической операции» как определенное пространство и конкретные объекты, на которых (в пределах которых) проводится данная операция¹⁷.

Введение категории «зона проведения контртеррористической операции» имеет важное системообразующее значение как для эффективной организации самой операции, так и для обеспечения законности, защиты прав и законных интересов физических и юридических лиц. В уже упоминавшейся выше главе V Модельного закона содержится правовая регламентация (ст. 16, 17, 20) установления данной зоны и введения в ней определенных временных ограничительных мер в целях пресечения и раскрытия актов терроризма, минимизации их последствий и защиты интересов личности, общества и государства, для чего предусмотрена возможность установления правового режима контртеррористической операции.

КТО согласно Наставлению по международному гуманитарному праву для СНГ 2018 г. относится к ситуации применения войск (сил) в мирное время, когда ситуация не может быть квалифицирована как вооруженный конфликт (ст. 2). Однако хотелось бы подчеркнуть принципиально важные нормы и положения Наставления, объединяющие эти два режима одной целью — противостоять международной угрозе соразмерными методами и средствами, защищая права человека и отстаивая интересы суверенных государств.

Согласно ст. 3 Наставления 2018 г. при проведении КТО органы исполнительной власти, войска (силы), органы обеспечения правопорядка и безопасности руководствуются нормами и принципами МГП, международного права прав человека и национального законодательства.

Деятельность военно-силовых ведомств в рамках режима КТО должна осуществляться в строгом соответствии с нормами национального законодательства с учетом принципов МГП: правомерности, необходимости и соразмерности (ст. 5 Наставления).

В ст. 11 Наставления 2018 г. определено, что вооружение, военная и специальная техника сил авиации и флота могут применяться для устранения угрозы или пресечения террористического акта в воздушной сфере, а сил флота, кроме того, — во внутренних водах, в территориальном море, на континентальном шельфе государства — участника СНГ, а также в целях обеспечения безопасности морского судоходства, в том числе в подводной среде. Применение вооружения, военной и специальной техники для устранения угрозы или пресечения террористического акта должно быть законно и соразмерно степени террористической опасности (ст. 12). Данная позиция отражает парадигму международного права, исходящую из требования применения силы с точки зрения военной необходимости, рассматривая подход к военным действиям с концепции ограничения и сдерживания, а не разрешения и безграничности [Cohen, Zlotogorski 2021: 107, 145, 155].

При противодействии терроризму вооруженные силы государства могут привлекаться для

¹⁷ Для определения параметров данной зоны следует рассматривать пределы и объекты, в которых проводится сама операция. В практике контртеррористических операций масштабы указанной зоны могут быть различны – от отдельных регионов страны до конкретных населенных пунктов. Это, в частности, подтверждается практикой борьбы с терроризмом в Российской Федерации.

выполнения определенных боевых задач, в ходе подготовки и выполнения которых должны соблюдаться установленные нормы национального законодательства и международного права:

- пресечение полетов воздушных судов, используемых для совершения террористического акта либо захваченных террористами;
- пресечение террористических актов во внутренних водах и в территориальном море государства — участника СНГ, на объектах морской производственной деятельности, расположенных на континентальном шельфе государства — участника СНГ, а также для обеспечения безопасности морского судоходства;
- пресечение международной террористической деятельности за пределами территории государства — участника СНГ (если это предусмотрено национальным законодательством).

Данный перечень наглядно отражает необходимость и обоснованность военно-силовых ответов на вызовы со стороны современных террористических угроз.

Основой обеспечения законности выполнения боевых задач является строгое соблюдение норм национального законодательства и международного права, а также установленных правил применения вооружения, военной и специальной техники.

На территории государств — членов СНГ предусмотрено проведение совместных анти-террористических мероприятий. Организационные основы и порядок такого взаимодействия определены специальным Положением 2002 г.¹⁸, согласно которому совместные анти-террористические мероприятия — это мероприятия по борьбе с терроризмом, проводимые компетентными органами Сторон по согласованному единому замыслу и плану силами специальных анти-террористических формирований на территориях запрашивающих Сторон (ст. 1.1).

Для организации обеспечения координации взаимодействия компетентных органов государств — участников СНГ в области борьбы с международным терроризмом и иными про-

явлениями экстремизма Решением Совета глав государств СНГ от 21 июня 2000 г.¹⁹ был создан постоянно действующий специализированный отраслевой орган СНГ — Антитеррористический центр государств — участников Содружества (АТЦ СНГ)²⁰.

В настоящее время под эгидой АТЦ СНГ обсуждаются подходы по реформированию контртеррористической деятельности СНГ и формированию новых механизмов противодействия терроризму в системе военно-стратегической деятельности. Как отмечают эксперты Центра, в условиях нарастания реальной и масштабной террористической угрозы территории государств — членов Содружества противостоять скоординированным действиям международных террористических сил возможно только совместными, комплексными действиями государств — участников СНГ, а при определенных условиях — и под единым руководством. Исходя из этого, на площадке АТЦ ведется теоретическая и практическая проработка более сложной и эффективной модели противодействия масштабной террористической активности в рамках совместной военно-полицейской операции.

Под совместной военно-полицейской операцией государств — членов СНГ следует понимать совокупность подчиненных единому замыслу разведывательных, войсковых, специальных, полицейских, оперативно-боевых, оперативно-розыскных, гуманитарных и иных мероприятий с применением (демонстрацией) боевой техники, оружия и специальных средств по предупреждению и пресечению террористических и экстремистских преступлений, с участием объединенных под единым командованием сил и средств подразделений вооруженных сил, правоохранительных органов, органов безопасности и специальных служб государств — участников СНГ, обезвреживанию террористов, обеспечению безопасности физических лиц и организаций, а также по минимизации последствий террористических и экстремистских преступлений [Кочубей, Мареев 2020:68].

¹⁸ Содружество Независимых Государств: Протокол об утверждении Положения о порядке организации и проведения совместных анти-террористических мероприятий на территориях государств — участников Содружества Независимых Государств от 7 октября 2002 г. Доступ: URL: <https://www.cisatc.org/1289/135/152/277> (дата обращения: 22.04.2022).

¹⁹ Содружество Независимых Государств: Положение об Антитеррористическом центре государств — участников Содружества Независимых Государств, утвержденное Решением Совета глав государств СНГ от 1 декабря 2000 г. (с изменениями и дополнениями, внесенными решениями Совета глав государств СНГ от 28 июня 2006 г. и 28 сентября 2018 г.). Доступ: <https://www.cisatc.org/132/166/189> (дата обращения: 22.04.2022).

²⁰ См.: Официальный сайт Антитеррористического центра государств — участников Содружества Независимых Государств. Доступ: <https://www.cisatc.org/132> (дата обращения: 22.04.2022).

Совместная военно-полицейская операция рассматривается как форма комплексного применения международных, межведомственных сил для ликвидации террористических угроз. Цели операции и решаемые в ней задачи позволят пресечь террористическую активность как на начальном этапе, так и при крупномасштабных действиях террористических формирований, в том числе экспортируемых извне. Конечной целью операции ставится стабилизация обстановки и восстановление конституционного правопорядка на территории одного или нескольких государств или части их территории.

Таким образом, компетентные органы государств — членов Содружества и непосредственно СНГ проводят постоянный мониторинг тенденций развития современной террористической деятельности в контексте расширяющихся угроз и усложняющихся последствий совершения террористических актов. Объективная оценка ситуации в мире и в зоне ответственности СНГ позволяет государствам-членам перспективно развивать свое контртеррористическое сотрудничество в свете современных вызовов и угроз.

5. Заключение

Подводя общий итог в статье, отметим, что в настоящее время угрозы террористического характера носят ярко выраженный организованный характер. Международные террористические организации являются транснациональными и при этом имеют в большей части стройную систему управления и обеспечения. В арсенале сегодня у них имеются различные формы, способы действий для достижения целей, с применением от смертников-одиночек до многотысячных вооруженных формирований. Кроме того, необходимо отметить, что использование некоторыми государствами терроризма как инструмента продвижения своей политики способствует обеспечению террористических организаций — от финансов, современного вооружения и военной техникой до прямой военной помощи.

Противостояние именно такому терроризму сегодня вышло на первый план обеспечения безопасности государств — участников СНГ. Выводы по результатам оценки современных террористических угроз, прогноз развития обстановки в условиях трансформации глобальной террористической опасности, вероятностные оценки смещения сферы интересов международных террористических организаций из сирийско-иракской зоны в другие регионы указывают на то, что существует определенная вероятность проникновения или даже прямого вторжения вооруженных международных террористических групп на территорию государств — участников СНГ.

В рамках СНГ за долгие годы сформировалась прочная правовая база противодействия терроризму, включающая в себя как международные универсальные и региональные антитеррористические договоры, так и модельное законодательство СНГ по данному вопросу. Государства — члены СНГ поддерживают действующую правовую систему борьбы с терроризмом в период вооруженных конфликтов, имплементируя и добросовестно выполняя свои обязательства по ключевым актам МГП.

Понимая необходимость формирования межотраслевого, комплексного подхода к борьбе с терроризмом в рамках самостоятельного установления, государства-члены разработали правовые основы функционирования особого правового режима, осуществляемого в рамках комплексных мероприятий по противодействию терроризму — режима контртеррористической операции. Основой обеспечения законности действия такого режима является строгое соблюдение международных обязательств по борьбе с терроризмом, защите прав человека, а также норм и принципов международного гуманитарного права.

Таким образом, государства — члены СНГ пошли по пути разработки в рамках так называемого международного антитеррористического права особого правового режима борьбы с терроризмом с применением вооруженных сил государств. Практика реализации современных КТО подтверждает его эффективность и перспективность.

Список литературы

1. Алешин В.В. 2019. Противодействие терроризму: о реализации норм международного права и российского законодательства. — *Московский журнал международного права*. № 4. С. 79–90. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2019-4-79-90>

2. Гассер Х.-П. 2002. Террористические акты, «терроризм» и международное гуманитарное право. — *Международный журнал Красного Креста*. № 847. С. 235–268.
3. Громогласова Е.С. 2016. Современный военно-силовой контртерроризм: международно-политический и правовой аспекты. — *Вестник Российского универ-*

- ситета дружбы народов. Серия: Международные отношения. Т. 16. № 3. С. 426—436.
4. Давид Э. 2011. *Принципы права вооруженных конфликтов*. М.: МККК. 1144 с.
 5. Карсуэлл Дж. Э. 2009. Классификация конфликта: дилемма, стоящая перед военнослужащим. — *Международный журнал Красного Креста*. № 847. С. 195—221.
 6. Котляров И.И. 2013. *Международно-правовое регулирование вооруженных конфликтов (основные теоретические проблемы и практика)*: монография. М.: Юрлитинформ. 504 с.
 7. Котляров И.И., Пузырева Ю.В. 2012. Международное гуманитарное право и модельное законодательство СНГ. — *Московский журнал международного права*. № 3. С. 18—38. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2012-3-18-38>
 8. Кочубей М.А., Мареев П.Л. 2020. Совместная военно-полицейская операция в системе контртеррористической деятельности стран СНГ (теоретический аспект). — *Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право*. № 4. С. 56—71.
 9. Раджабов С.А. 2013. Вооруженный конфликт в Афганистане: участники, правовая квалификация и применяемое право. — *Российский ежегодник международного права. Специальный выпуск*. СПб: СКФ «Россия-Нева». С. 320—337.
 10. Русинова В.Н. 2017. *Права человека в вооруженных конфликтах: проблемы соотношения норм международного гуманитарного права и международного права прав человека: монография*. 2-е изд. М.: Статут. 398 с.
 11. Синякин И.И. 2017. Перспективы международно-правового сотрудничества по борьбе с терроризмом. — *Московский журнал международного права*. № 1. С. 78—87. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2017-1-78-87>
 12. Хенкертс Ж.-М., Досвальд-Бек Л. 2006. *Обычное международное гуманитарное право*. Том. I. Нормы. М.: МККК. 818 с.
 13. Хлестов О.Н., Мышляева М. 2001. Вооруженная борьба против международного терроризма (политико-правовые аспекты). — *Московский журнал международного права*. № 4. С. 11—21. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2001-4-11-21>
 14. Чернядьева Н.А. 2019. Тенденции развития международно-правовой борьбы с терроризмом. — *Московский журнал международного права*. № 4. С. 61—78. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2019-4-61-78>
 15. Шетай В. 2003. Вклад Международного суда в международное гуманитарное право. — *Международный журнал Красного Креста*. № 850. С. 89—128.
 16. Bellal A., Giacca G., Cassey-Maslen S. 2011. International law and armed non state actors in Afganistan. — *International Review of the Red Cross*. Vol. 93. P. 47—79.
 17. Cohen A., Zlotogorski D. 2021. *Proportionality in International Humanitarian Law Consequences, Precautions, and Procedures*. Oxford: Oxford University Press. 262 p. DOI:10.1093/oso/9780197556726.001.0001
 18. Ferraro T. 2021. International humanitarian law, principled humanitarian action, counterterrorism and sanctions: Some perspectives on selected issues. — *International Review of the Red Cross*. Vol. 103. P. 109—155. DOI: 10.1017/S1816383121000965
 19. International humanitarian law and the challenges of contemporary armed conflicts: Recommitting to protection in armed conflict on the 70th anniversary of the Geneva Conventions. 2019. — *International Review of the Red Cross*. Vol. 101. P. 869—949. DOI: 10.1017/S1816383119000523
 20. Sassòli M. 2019. *International Humanitarian Law: Rules, Controversies, and Solutions to Problems Arising in Warfare*. Northampton, MA: Edward Elgar Publishing Limited. 656 p.
 21. Saul B. 2021. From conflict to complementarity: Reconciling international counterterrorism law and international humanitarian law. — *International Review of the Red Cross*. Vol. 103. P. 157—202. DOI:10.1017/S181638312100031X

References

1. Aleshin V.V. Protivodeistvie terrorizmu: o realizatsii norm mezhdunarodnogo prava i rossiiskogo zakonodatel'stva [Counterterrorism measures: application of international law and the law of the Russian Federation]. — *Moscow Journal of International Law*. 2019. No. 4. P. 79—90. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2019-4-79-90>
2. Bellal A., Giacca G., Cassey-Maslen S. International law and armed non state actors in Afganistan. — *International Review of the Red Cross*. 2011. Vol. 93. No. 81. P. 47—79.
3. Carswell J.E. Klassifikatsiya konflikta: dilemma, stoyashchaya pered voennosluzhashchim [Classification of conflict: a dilemma facing the military]. — *Mezhdunarodnyi zhurnal Krasnogo Kresta*. 2009. No. 847. P. 195—221. (In Russ.)
4. Cherniadyeva N.A. Tendentsii razvitiya mezhdunarodno-pravovoi bor'by s terrorizmom [Trends of development of international legal fight against terrorism]. — *Moscow Journal of International Law*. No. 4. P. 61—78. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2019-4-61-78>
5. Cohen A., Zlotogorski D. *Proportionality in International Humanitarian Law Consequences, Precautions, and Procedures*. Oxford: Oxford University Press. 2021. 262 p. DOI:10.1093/oso/9780197556726.001.0001
6. David E. Principes de droit des conflits armés (Russ. ed.: David E. Printsipy prava vooruzhennykh konfliktov. Moscow: MCKK Publ. 2011. 1144 p.)
7. Ferraro T. International humanitarian law, principled humanitarian action, counterterrorism and sanctions: Some perspectives on selected issues. — *International Review of the Red Cross*. 2021. Vol. 103. P. 109—155. DOI: 10.1017/S1816383121000965
8. Gasser H.-P. Terroristicheskie akty, "terrorizm" i mezhdunarodnoe gumanitarnoe pravo [Acts of Terrorism, "Terrorism" and International Humanitarian Law]. — *Mezhdunarodnyi zhurnal Krasnogo Kresta*. 2002. No. 847. P. 235—268. (In Russ.)
9. Gromoglasova E.S. Sovremennyy voenno-silovoi kontrterrorizm: mezhdunarodno-politicheskii i pravovoi aspekty [The Use of Force in Modern Counter-Terrorism: International Legal and Political Aspects]. — *Vestnik RUDN. International Relations*. 2016. Vol. 16. No. 3. P. 426—436. (In Russ.)

10. Henckaerts J.-M., Doswald-Beck L. Customary International Law. Volume 1: Rules (Russ.ed.: Henckaerts J.-M., Doswald-Beck L. *Obychnoe mezhdunarodnoye gumanitarnoe pravo. Tom. I. Normy*. Moscow: MKKK Publ. 2006. 818 p.)
11. International humanitarian law and the challenges of contemporary armed conflicts: Recommitting to protection in armed conflict on the 70th anniversary of the Geneva Conventions. — *International Review of the Red Cross*. 2019. Vol. 101. P. 69–949. DOI: 10.1017/S1816383119000523
12. Khlestov O.N., Myshlyaeva M. Vooruzhennaya bor'ba protiv mezhdunarodnogo terrorizma (politiko-pravovye aspekty) [Armed struggle against international terrorism (political and legal aspects)]. — *Moscow Journal of International Law*. 2001. No. 4. P. 11–21. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2001-4-11-21>
13. Kochubei M.A., Mareev P.L. Sovmestnaya voenno-politseiskaya operatsiya v sisteme kontrterroristicheskoi deyatel'nosti stran SNG (teoreticheskii aspekt) [Joint military-police operation in the system of counterterrorism activities of the CIS countries (theoretical aspect)]. — *Mezhdunarodnoye sotrudnichestvo evraziiskikh gosudarstv: politika, ekonomika, pravo*. 2020. No. 4. P. 56–71. (In Russ.)
14. Kotlyarov I.I. *Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie vooruzhennykh konfliktov (osnovnye teoreticheskie problemy i praktika): monografiya* [International legal regulation of armed conflicts (main theoretical problems and practice): a monograph]. Moscow: Yurlitinform Publ. 2013. 504 p. (In Russ.)
15. Kotlyarov I.I., Puzyreva Yu.V. *Mezhdunarodnoye gumanitarnoe pravo i model'noye zakonodatel'stvo SNG* [International Humanitarian Law and the Model Legislation of the CIS]. — *Moscow Journal of International Law*. 2012. No.3. P. 18–38. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2012-3-18-38>
16. Radzhabov S.A. Vooruzhennyi konflikt v Afganistane: uchastniki, pravovaya kvalifikatsiya i primenyaemoe pravo [Armed Conflict in Afghanistan: Participants, Legal Qualifications, and Applicable Law]. — *Rossiiskii ezhegodnik mezhdunarodnogo prava. Spetsial'nyi vypusk* [Russian Yearbook of International Law. Special Issue]. Saint Petersburg: SKF "Rossiya-Neva". 2013. P. 320–337. (In Russ.)
17. Rusinova V.N. *Prava cheloveka v vooruzhennykh konfliktakh: problemy sootnosheniya norm mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava i mezhdunarodnogo prava prav cheloveka: monografiya. 2-e izd.* [Human Rights in Armed Conflicts: Problems of Correlation Between International Humanitarian Law and International Human Rights Law: a monograph. 2nd ed.]. Moscow: Statut Publ. 2017. 398 p. (In Russ.)
18. Sassòli M. *International Humanitarian Law: Rules, Controversies, and Solutions to Problems Arising in Warfare*. Northampton, MA: Edward Elgar Publishing Limited. 2019. 656 p.
19. Saul B. From conflict to complementarity: Reconciling international counterterrorism law and international humanitarian law. — *International Review of the Red Cross*. 2021. Vol. 103. P. 157–202. DOI:10.1017/S181638312100031X
20. Shetai V. Vklad Mezhdunarodnogo suda v mezhdunarodnoye gumanitarnoe pravo [The contribution of the International Court of Justice to international humanitarian law]. — *Mezhdunarodnyi zhurnal Krasnogo Kresta*. 2003. No. 850. P. 89–128. (In Russ.)
21. Sinyakin I.I. Perspektivy mezhdunarodno-pravovogo sotrudnichestva po bor'be s terrorizmom [Prospects for the International Legal Cooperation in the Struggle against Terrorism]. — *Moscow Journal of International Law*. 2017. No. 1. P. 78–87. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2017-1-78-87>

Информация об авторах

Котляров Иван Иванович,

заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор кафедры прав человека и международного права, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

117997, Российская Федерация, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12

ikotlyarov@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4876-6625

Пузырева Юлия Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры прав человека и международного права, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

117997, Российская Федерация, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12

yuliya_dugina@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4448-2200

About the Authors

Ivan I. Kotlyarov,

Honored Lawyer of the Russian Federation Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor of the Department of Human Rights and International Law, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'

12, ul. Akademika Volgina, Moscow, Russian Federation, 117997

ikotlyarov@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4876-6625

Yuliya V. Puzyreva,

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor Deputy Head of the Department of Human Rights and International Law, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'

12, ul. Akademika Volgina, Moscow, Russian Federation, 117997

yuliya_dugina@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4448-2200